

въ селеніяхъ праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная. Аминь“.

— Любовь и почитаніе прихожанъ въ доброму пастырю о. Прот. В. Г. Успенскому, сказались особенно при погребеніи его. Народъ наполнялъ не только громадную Покровскую церковь, но и площадь. Потомъ до самой могилы тысячная толпа слѣдовала за гробомъ и тѣснилась ко гробу, чтобы имѣть счастье сколько нибудь понести его.

„Вотъ и говорите, что идеаль добраго пастыря недостижимъ! Смотрите на эти пѣшія массы народа, возвращающіяся съ кладбища. Смотрите на эти общіе разговоры, что ужъ не нажать намъ другаго такого священника. Смотрите, вѣдь, инія старушки быють себя въ грудь отъ скорби о дорогой утратѣ. Да! Нельзя не считаться съ этимъ краснорѣчиво говорящимъ фактомъ“, говорилъ намъ одинъ изъ возвращавшихся съ кладбища.

Миръ праху твоему, неустанный труженикъ!

ПИСЬМА ПАЛОМНИКА.

ПИСЬМО СЪ ПУТИ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Иерусалимъ.

Мы ѣхали по направленію къ *Мертвому морю*. Предъ нами открыта вся *Иорданская долина* и видны *Аравійскія горы* за рѣкою. Пустынная и печальная эта долина. Солончакъ, мѣстами наносный песокъ, промоины уступами, параллельными больше *Иордану*, — все это признаки того, что долина когда то вся покрывалась водою. Тогда, конечно, могла быть и зелень и плодородіе; тецерь же большія пространства совершенно обнажены; только кое-гдѣ есть растительность, и та жесткая и скудная. Ближе къ рѣкѣ природа иная: тутъ есть и трава, и кустарникъ, а на самомъ берегу даже лѣсокъ изъ ивъ и олеандра, гдѣ путешественники и среди дня находятъ тѣнь.

Видѣть Иордань, какъ и градъ Иерусалимъ, давно—пожалуй съ дѣтства—было завѣтною моею мечтою. Понятно, какое чувство наполняло душу, когда мы уже не далеко отъ него.— Вотъ и русло обрисовывается; только воды не видно: высокіе и крутые берега скрываютъ ее.—Торопился я на благодатный Иордань. Мы были уже въ виду Мертваго моря, но я не побѣхалъ съ товарищами купаться въ морѣ,—оно съ окружающею природой показалось мнѣ дѣйствительно мертвымъ,—оно не возгрѣваетъ святое, отрадное чувство, а леденить его. Что-то гнетущее, роковое и въ окрестности его; послѣдняя (окрестность) также безжизненна, съ клеймомъ проклятiя.—Взялъ я съ собою одного шейха въ проводники и направился съ нимъ въ ближайшую небольшую Герасимовскую обитель*) на берегъ рѣки.

Наконецъ увидѣлъ я и воды Иорданскія. Съ этой минуты начинается мое истинное духовное наслажденіе. То ѣду, то иду вдоль берега (противу теченія) Св. рѣки—на мѣсто, гдѣ по уговору съ товарищами, я долженъ былъ ожидать ихъ. На два часа мы разстались.—Путь мой то отдаляется отъ береговъ, то приближается къ нимъ.—Солнце поднялось уже высоко; въ воздухѣ зной насталъ, а мнѣ легко дышется: близость воды и кустарникъ освѣжаетъ атмосферу. Рѣка течетъ быстро и волнами бьется о каменные глыбы по берегамъ. Въ одиночествѣ, при глубокой тишинѣ, слышенъ этотъ плескъ и говоръ воды,—будто она говоритъ мнѣ, какъ и вся природа говоритъ человѣку о Творцѣ.—„Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, Троическое явися поклоненіе“... „Явился еси днесь вселеннѣй“... пѣлъ я въ отвѣтъ Иордану, а лепетъ его вторилъ мнѣ...

Откуда же эти люди?! Вижу—изъ-за кустовъ со стороны берега вышли два бедуина при своемъ обычномъ оружіи; одинъ вдобавокъ съ небольшимъ копьемъ. Онѣ выходятъ прямо ко мнѣ.

—„Сала малейкымъ“? привѣтствую ихъ, приложивъ по восточному руку къ груди.

*) На развалинахъ бывшаго славнаго монастыря Пр. Герасима.

— „Малейкымъ сала“, отвѣчаютъ они также и присоединились къ моему пѣшему проводнику, за которымъ я слѣдую на ослѣ. — Безъ сомнѣнія они знакомы между собою и земляки. Скоро въ говорѣ слышно стало — шейхъ мой крѣпче и крѣпче повторяетъ слово „кавасъ“, указывая на сторону Мертваго моря, а бедуины еще громче заговариваютъ — будто оспариваютъ его и въ то же время свирѣпо озираютъ меня; особенно одинъ, лучше вооруженный, страшень былъ. Да и вся группа ихъ въ пустынь представляла картину неприглядную: лица желто-черныя, одѣты въ закопченныя хитоны съ плащомъ черезъ плечо (они не перемѣняютъ своего древняго костюма), съ грязной повязкой на головѣ; во всей черной фигурѣ ихъ бѣлѣются только зубы. Рѣчь ихъ въ этотъ разъ была отрывиста, рѣзка. Ясно — дѣло касалось моего личнаго благополучія. Однако, съ версту прошли, а споръ ихъ не рѣшился, хотя становился тише. — Впереди, въ кустахъ за видѣлъ я цѣлый караванъ такихъ же арабовъ съ верблюдами, мулами и прочимъ скотомъ; нѣсколько кибитокъ раскинуто; около нихъ были женщины, одѣты арабскія. Тогда новые спутники наши отстали отъ насъ. — Вскорѣ достигли мы того мѣста, гдѣ слѣдуетъ ожидать своихъ съ моря. (На этомъ мѣстѣ, по преданію, Христосъ крестился, потому здѣсь у паломниковъ обычный станъ и совершается освященіе воды). Душевное настроеніе мое было такое, что мнѣ хотѣлось плакать и молиться. Преклонился я Христу Спасителю; Онъ ходилъ здѣсь, призывая всѣхъ къ Себѣ; Онъ былъ на Своемъ Иорданѣ и все мною, — это чувствовалъ я душою. Точно неизвѣстно мѣсто крещенія Спасителя, но зачѣмъ это знать? Вотъ Иорданъ, гдѣ небеса отверзлись и слышенъ былъ голосъ Бога Отца: *сей есть Сынъ Мой...* и Духъ Божій тутъ явился. Вотъ онъ — Иорданскія струи, въ которыя Христосъ Господь сподобить насъ войти по слѣдамъ Его.

Вода быстрою волною бѣжитъ, отъ того вся бѣломутная, но очень пріятная на вкусъ. — Расположился я подъ тѣвю деревъ и любовался Иорданомъ до пріятной дремоты, а шейхъ любезно

подслужился — нарвалъ мнѣ подъ голову вѣтвей. «Добрый — арабъ! Я сердечно полюбилъ его и никогда не забуду.»

Въ легкомъ снѣ слышенъ сталъ говоръ. Это наши приближились. Смотрю — съ ними и тотъ бедуинъ, который вѣтвицами звѣремъ былъ около меня. Но теперь въ глазахъ его была такая лезть, такое заискиванье предо мною и особенно предъ Кавасомъ! Шейхъ нашъ видимо позаботился удалить бедуина, а я не счителъ нужнымъ жаловаться на то, что онъ звѣрски озиралъ меня, — только похвалился преданностію и услугами Махмуда. Самый виноватъ, что уѣхалъ одинъ. Теперь общаюсь и другимъ совѣтую никогда не оставаться здѣсь одному безъ надежной охраны.

Немедленно совершили мы водоосвященіе на рѣкѣ Иорданѣ и потомъ долго купались. Вода такъ быстра, что по поясъ только можно безъ опасности входить въ рѣку; глубже трудно держаться на ногахъ еще потому, что илистое дно все покрыто острыми камнями. Кавасъ предупредилъ объ опасности и рассказалъ слѣдующій печальный случай, бывшій года два назадъ: одинъ изъ авантюристовъ — французскій докторъ осмѣлился поплыть на другую сторону рѣки (шириною лѣтомъ до 20 сажень); его унесло водою, избило по камнямъ подводнымъ, и — онъ погибъ.

Отъ Иордана мы зашли въ небольшой *скитъ* *Св. Иоанна Предтечи*, построенный на развалинахъ прежняго монастыря того же имени. Къ нашему удовольствію встрѣтили мы здѣсь, въ числѣ 7—8 братій, русскаго. — Въ 12 ч. дня, подъ самымъ палящимъ солнцемъ, мы возвратились въ Иерихонъ. Здѣсь носламъ и проводникамъ нашимъ нужно было подкрѣпить свои силы. — Черезъ два часа мы уже были въ пути на *Сорокодневную гору*. Верстѣ 7 до горы вѣхали около потока и были на самомъ источникѣ его; — это тотъ самый источникъ, который некогда пророкомъ Елисеемъ изъ горькаго превращенъ въ сладкій. Вода дѣйствительно прекрасная. Потокъ симъ пользуются всѣ обитатели Иерихона.

Гора искушеній предъ нами, но не одна: къ ней съ юга почти въ упоръ примкнула другая, съ такою же отвѣсною стѣною, какъ

и первая. Обѣ высятся въ облакамъ, мрачно бурны, какъ-бы изъ цѣльнаго камня, и обѣ вмѣстѣ наводятъ ужасъ—или отъ того, что здѣсь—на мѣстѣ искушенія живо чудится присутствіе искушителя и борьба съ нимъ воплощеннаго Добра.—Много природныхъ пещеръ видно въ скалахъ; въ нихъ иноки находили убѣжище, когда на время Великаго поста удалялись изъ монастырей въ пустыню для духовныхъ подвиговъ.

Подъемъ на гору совершили мы иѣшкомъ. Тропа сначала отлогая, потомъ крутая, высѣчена вдоль отвѣсной стѣны, но столь удобна, что можно подниматься и на ослѣ. Добрались мы наконецъ до обители св. горы, помолились и приняты были по обычаю очень любезно. Здѣсь подвизаются не болѣе 10 греческихъ иноковъ. Это поистинѣ избранники Божіи. Церковь у нихъ и келіи высѣчены въ горѣ и довольно удобны. Воду и дрова достаютъ изъ—подъ горы. Отъ келій выходитъ наружу терраса. Видъ отсюда на долину и далѣе восхитительный, если въ то же время не смотрѣть на страшную пропасть, которая у подошвы горъ. На лѣво Иорданская долина, по которой въ зелени проходитъ рѣка свѣтлою лентою, а за рѣкою далеко видна цѣпь Аравійскихъ горъ; между ними и *Наваавъ*, откуда Моисею дано только посмотреть на землю Обѣтованную. Впереди, за пустынною долиною, вся жалкая картина Мертваго моря; правѣе цѣпь Иудейскихъ горъ, за которыми скрывается Иерусалимъ.—Надъ нами еще высоко была вершина «горы Искушенія», но чтобы взойти на нее, надо было ночевать здѣсь, а мы спустились къ ночи достигнуть обители св. *Георгія Хозевита*, гдѣ побывать намъ посовѣтывалъ Его Святѣйшество Патріархъ Никодимъ.

Съ Святой горы мы вышли на знакомую намъ дорогу, ведущую въ Иерусалимъ. Вечеръ насталъ пріятный, но скоро сталъ претемный:—за два шага не видѣли другъ друга. Въ этой-то темнотѣ, часовъ въ 10 веч., начали спускаться по тропѣ, сдѣланной въ каменной горѣ; слѣва горы стѣною—надъ нами, справа—пропасть. Кавась впереди иѣшій только голосить: лѣвѣй, держи-

тесъ дѣвѣ! Мы, конечно, также пѣшіе, за нимъ—одинъ за другимъ, за нами арабы съ ослами. Окликъ и говоръ далеко раздается гдѣ-то. Сходили медленно. Вотъ и огоньки замелькали и лай собаки слышенъ, а ничего не видно; только слышенъ былъ гдѣ-то водопадъ. Спустились въ такую глубину, что и огоньковъ не стало видно. Затѣмъ начали подниматься и пришли въ обитель. *Это и есть Хозевитъ.*—Иноки-греки и арабы доставили намъ покой съ обычнымъ радушіемъ по-братски. Во всѣхъ такихъ обителяхъ непременно есть говорящій по-русски.

Рано утромъ воспѣли мы здѣсь славу и благодареніе Богу и опять отправились на свою дорогу въ гору. Теперь могли мы видѣть, въ какомъ глубочайшемъ оврагѣ находится эта св. обитель. По обѣ стороны его превысокія отвѣсныя стремнины, внизу по оврагу шумитъ потокъ, гдѣ прекрасная природа, а выше—въ скалахъ келіи, гдѣ въ храмѣ пѣніе, вѣроятно, сливается съ ревомъ потока.—Послѣ отдыха пріятная утренняя прохлада, необыкновенно величественный видъ необыкновенной мѣстности, давно неслыханные голоса пѣвчихъ птицъ въ зелени,—все это совѣмъ оживило насъ. Мѣстность точно такая, какую описалъ богодухновенный Царь, прославляя Творца міра: „Благослови душе моя Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло!.. „посылай источники въ дебряхъ, посреди горъ пройдутъ воды.. „на тыхъ птицы небесныя привитаютъ, отъ среды каменія да даятъ гласъ“ (Пс. 103). Такая Ливанская природа, въ окрестностяхъ Іерусалима, только вѣроятно и сохранилась въ своемъ видѣ въ дебряхъ Хозевита.

Послѣ того опять пустынная дорога между высокихъ холмовъ, опять нестерпимый зной. Но мы торопились. Въ 11 час. утра уже подходили къ Виваніи. Прежде всего издалека увидѣли русскую колокольню—гиганта при храмѣ Вознесенія Господня, на Елеонѣ. На горѣ она царитъ надъ всѣмъ градомъ и его окрестностями на десятки верстъ: ее и горы не всѣ скрываютъ.—Близъ Виваніи въ сторонѣ мы посѣтили греческую обитель на мѣстѣ, гдѣ Спасителя встрѣтили плачущія сестры праведнаго Ла-

заря. Отсюда прошли на мѣсто погребенія Лазаря. Глубоко мы спускались въ пещеру съ зажженными свѣчами. Прежде сошли на небольшую площадку; съ этой площадки еще 3—4 ступени ведутъ въ болѣе тѣсное отдѣленіе, гдѣ въ скалѣ извѣченъ гробъ въ которомъ лежало тѣло Лазаря. Холодно и сыро въ этомъ подземельи. — Хозяева пещеры — магометане допускаютъ въ нее за плату, они и свѣчи восковыя даютъ здѣсь поклонникамъ. На мѣстѣ дома Лазаря арабская мечеть. Но что особенно прискорбно, — главный предметъ христіанскаго почитанія въ Виваніи — мѣсто погребенія прав. Лазаря находится въ такомъ грязномъ арабскомъ захолустьѣ, гдѣ и пройти нельзя безъ отвращенія.

Къ часу дня, въ самый жаръ, мы окончили свой возвратный путь отъ Иордана въ Иерусалимъ. Теперь не придется больше ѣхать верхомъ на ослахъ, но воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится.

Въ слѣдующемъ письмѣ скажу объ Иерусалимѣ.

Совершеніе литургіи «соборомъ» и въ присутствіи Архіерея. 1)

(Окончаніе).

Литургія можетъ быть совершаема «соборно» — нѣсколькими священниками и безъ діакона, что разрѣшено Св. Синодомъ въ 1874 году, въ указѣ на имя Донскаго преосвященнаго (нынѣ митрополита Кіевскаго) Платона. Руководственныя указанія, какъ два, три и болѣе священниковъ должны отправлять литургію безъ діакона, есть въ упомянутомъ указѣ Св. Синода, въ книгахъ прот. А. О. Хойнацкаго («Практическое руководство для священнослужителей при совершеніи св. таинствъ») и П. И. Нечаева («Практическое руководство для священнослужителей, изд. 1884 г.»), а также въ «Пастырскомъ Собесѣдникѣ» (1890 г. № 18), — въ статьѣ того же священника Г. Кутепова²⁾, извлеченной съ нѣкоторыми измѣненіями изъ вышепоименованныхъ книгъ о Хойнацкаго и г. Нечаева. По этимъ руководствамъ соборное совершеніе литургіи безъ діакона представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Входныя молитвы читаются такимъ же порядкомъ, какъ и

1) См. Сар. Е. В. № 7.

2) Статя о. Кутепова вышла отдѣльной брошюрой; бібліограф. замѣтка о ней въ Церк. Вѣд. 1891 г. Ред.